

«ТРАДИЦИОННЫЕ» И «НОВЫЕ» ОБРАЗЫ ЖЕНЩИН В РОМАНАХ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА

Ольга Сергеевна Коркина¹, Мария Сергеевна Савельева²

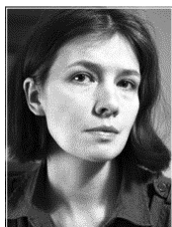
^{1,2} МГИМО МИД России, Москва, Россия

¹ 2021korkina.os@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0002-9351-618X>

² savelyeva.mgimo@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0004-8070-1110>

Аннотация. Статья посвящена философско-культурологическому анализу проблемы амбивалентности женских образов в творчестве Евгения Водолазкина в контексте разработанной им концепции «времени-спирали» (предложена и обоснована в программном романе «Лавр»). Актуальность обращения к данной теме определяется теми возможностями, которые открывает её изучение для понимания динамики ценностных оснований современной российской культуры. Материалами исследования послужили

художественная проза (романы) Е.Г. Водолазкина и его интервью (в том числе интервью, данное писателем одному из авторов статьи — О.С. Коркиной). В исследовании использован комплексный культурологический подход, сочетающий в себе феноменологический, герменевтический и биографический методы. В результате доказано, что двойственность женских образов проявляется на разных уровнях писательского творчества Водолазкина и выражается в открытом противопоставлении ряда женских типов сквозь призму их оценки лирическим героем: женщины-спутницы и женщины, которые его покидают; женщины, сближающие героя с Вечностью, и женщины-искусительницы; женщины, дарящие жизнь и «неспособные» это сделать. Аксиологический ландшафт прозы Водолазкина соткан из противопоставления «традиционных» и «новых» ценностей, воплощением которых становятся «активные» и «пассивные» женские типы. При этом актуальному прочтению средневекового «пассивного» типа противостоит образ-«антагонист» — «новая», психологически и сюжетно активная женщина, чей характер сформирован под влиянием идей феминизма и сложным образом перекликается с «традиционным» прочтением женственности, как бы «отталкиваясь» от него. Так женские образы иллюстрируют парадоксальное единство многоликой природы человека, чьё культурное бытие развёртывается во времени циклически, через принятие и отталкивание от базовых (с точки зрения Водолазкина) ценностей.

Ключевые слова: Евгений Водолазкин, женские образы, циклическое время, «Лавр», «Авиатор», Средневековье, амбивалентность, феминизм

Для цитирования: Коркина О.С., Савельева М.С. «Традиционные» и «новые» образы женщин в романах Е.Г. Водолазкина // Концепт: философия, религия, культура. — 2023. — Т. 7, № 4. — С. 160–174. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-4-28-160-174>

Research article

TRADITIONAL AND NEW FEMALE CHARACTERS IN E. G. VODOLAZKIN'S NOVELS

Olga S. Korkina¹, Maria S. Savelyeva²

^{1,2} MGIMO University, Moscow, Russia

¹ 2021korkina.os@gmail.com

<https://orcid.org/https://orcid.org/0009-0002-9351-618X>

² savelyeva.mgimo@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0004-8070-1110>

Abstract. The study aims to provide a philosophical and cultural analysis of the problem of the ambivalence of female images in Eugene Vodolazkin's works by means of the concept of *time-spiral* as developed by the writer (this concept has been proposed and substantiated in his programme novel *Laurus*). The relevance of referring to this topic comes from the opportunities that such an examination provides for understanding the dynamics of the value bases of contemporary Russian culture. The research materials include E. G. Vodolazkin's fiction prose (novels) and his interviews (in particular, the interview with the writer conducted by one of the authors of the article — O. S. Korkina). The study uses a comprehensive culturological approach combining phenomenological, hermeneutic, and biographical methods. It is concluded and proved that the ambivalence of female images manifests itself at different levels of Vodolazkin's works. This ambivalence is observed by an open opposition of several female types through the prism of their evaluation by the narrator. Women in Vodolazkin's prose bring the protagonist closer to Eternity, some of them stand by him, tempt him, or leave him. There are those who can give life and those who cannot. The axiological vector of Vodolazkin's prose consists of the opposition between *traditional* and *modern* values, embodying *active* and *passive* female characters. Meanwhile, the actual reading of the medieval passive type contrasts with the antagonistic image — a *contemporary*, psychologically and narratively active woman, whose personality has been influenced by feministic ideas and whose character, in a complex way, resonates with the *traditional* reading of femininity, as if building on it. Thus, the female images exemplify the paradoxical unity of a multifaceted human nature and show how its cultural existence unfolds cyclically in time through the acceptance and repulsion of Vodolazkin's basic values.

Keywords: Eugene Vodolazkin, female characters, cyclic time, *Laurus*, The Aviator, Middle Ages, ambivalence, feminism

For citation: Korkina, O. S., Savelyeva, M. S. (2023) 'Traditional and New Female Characters in E. G. Vodolazkin's Novels', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 7(4), pp. 160–174. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-4-28-160-174>

Введение

Евгений Германович Водолазкин, как известно, — не только один из самых читаемых современных русских писателей. Он — признанный специалист в области истории древнерусской литературы, ученик Дмитрия Сергеевича Лихачёва, многие годы посвятивший работе в Пушкинском Доме (Институт русской литературы Российской академии наук).

Стоит отметить, что достаточно узкий вопрос о специфике женских образов в романах Водолазкина к настоящему времени уже ставился в литературоведении, где решался, например, с помощью средств гендерной лингвистики [Копоть, 2018; 2019]. В нашем исследовании лингвокультурологические методы не используются, однако в контексте философско-культурологического подхода привлекаются феноменологический, герменевтический и биографический методы (в той мере, насколько это возможно и корректно по отношению к ныне живущему писателю), а также элементы дискурс-анализа. При этом ключевая для прочтения этих образов концепция времени-спирали, предложенная Водолазкиным, анализируется применительно не к истории как таковой, а лишь в связи с одним из её частных проявлений — эволюцией трактовки женственности в культуре сквозь призму авторского видения писателя.

Анализ творчества Водолазкина сквозь призму созданных им женских образов с точки зрения ведущих аксиологических мотивов их определяющих, показывает наличие парадоксальной ситуации, когда автор в комментариях¹ к своим текстам декларирует вполне релевантные современности идеи (например, о равенстве мужчины и женщины); в то время как функции женских образов в его текстах (как и функционирование его романов в культуре) позволяют сделать прямо противоположные выводы.

Этот парадокс определил цель нашего исследования — выявить закономерности в столкновении «новых» и «традиционных» женских образов в творчестве писателя, что позволит уточнить его отношение к гендерной проблематике в целом и «доминантным» женским образам, которые предлагает современный культурный процесс (и акцентируют многие современные писатели, откликаясь на повестку, предложенную самой жизнью). Достижение этой цели даёт возможность выделить и описать специфику функционирования концепции «времени-спирали» в творчестве Водолазкина, выяснить, насколько сюжетные повторения его прозы действительно (как это подразумевается автором) позволяют говорить о сохранении гуманистического начала в человеке через поддержание христианских ценностей, базирующихся, в том числе, на обобщённом образе человека Средневековья. Соответственно, задачи исследования состоят в том, чтобы: 1. Изучить особенности художественного мира писателя, создавшего свой собственный культурный мир на пересечении русского средневековья и современности (концепция «времени-спирали»); 2. Выявить биографические моменты, определившие специфику отношения писателя к «женскому началу» культуры; 3. Классифицировать женские образы на основании их аксиолого-психологических «ролей»; проанализировать двойственную призму прочтения Водолазкиным возможной роли женщины в жизни мужчины; 4. Уточнить «спрямляющие модели» современного («близкого») прочтения женских образов в бинарной оптике «традиционного» и «нового».

Наша основная гипотеза состоит в том, что в процессе раскрытия характеров своих любимых героинь (Устины в «Лавре», Ксении в «Оправдании Острова») Е. Водолазкин основывается на идеализированном «обобщённо средневековом» (и в этом смысле «традиционном») взгляде на женщину, который концентрирует в себе опре-

¹ Научное интервью Е.Г. Водолазкина О.С. Коркиной из архива авторов статьи.

делённое прочтение христианских ценностей, поданных как ядерные ценности культуры. Этот взгляд, вероятнее всего, базируется на житийных текстах².

Более конкретно установить первоисточник, на который опирался писатель при создании подобных женских образов, в настоящем исследовании представляется затруднительным³. Однако можно довольно чётко описать «заданные условия», определяющие архитектуру созданного им художественного мира — в частности, через особенности художественного прочтения проблемы времени и его влияния на проявление характера героя (героини) в культуре. По нашему мнению, произведения Водолазкина дают в этом смысле ряд подсказок. В частности, он постулирует «неисторичность» своего центрального романа «Лавр»; часто смешивает черты разных исторических периодов и даже стран («Оправдание Острова»); а в романах «Лавр» и «Авиатор» прямо подвергает сомнению правомерность линейного понимания времени.

Тем самым женские образы Е. Водолазкина существуют как бы на пересечении нескольких эпох. С одной стороны, они транслируют непреходящие христианские ценности, воспевая возможность идеальной любви и преданности, — причём способами, которые не всегда близки современным читателям и исследователям. Л.В. Копоть, например, отмечает наличие в творчестве Водолазкина «стереотипных» представлений о женщине (она наделяется такими чертами, как пассивность, склонность к подчинению, ориентированность на биологические функции и воспроиз-

ведение потомства, повышенная эмоциональность; «мужское рассматривается как центр бытия, женское — как периферия» [Копоть, 2018: 379]). С другой стороны, третья волна феминизма (влияние которой на своё творчество сам Е. Водолазкин отрицает⁴) как минимум во многом определяет контекст восприятия его прозы, а также вторгается в его творчество через отражение характеров реального мира. И в самом деле, современный мир (критика, литературоведение, культурный контекст) предъявляет новые требования к женским образам. Социально активные женские характеры находят художественное отражение и теоретически осмысливаются, в том числе и через их связь с положениями феминизма, во многих текстах новейшей русской литературы⁵.

Художественный мир Е. Водолазкина: живёт ли средневековье в современности?

При анализе художественного мира Водолазкина постоянно приходится учитывать его многослойность. С одной стороны, писатель прямо отсылает своих читателей к сюжетам и категориям древнерусской литературы. Так, в «Лавре» прослеживаются явные «следы» житий Василия Блаженного, Ксении Петербургской и других святых [Русские святые, 2011: 457–464, 639–48]. С другой стороны, его проза во многом психологична, скрыто лирична, отражает глубинные движения души автора. При этом главные герои его романов — почти всегда мужчины (частичное исключение — «Оправдание острова», в центре

² Буслаев Ф.И. Идеальные женские характеры Древней Руси // Древнерусская литература в исследованиях. Хрестоматия / Сост. В.В. Кусков. — Москва: Высшая школа, 1986. — С. 254–283. — С. 255.

³ Можно лишь с большой долей уверенности утверждать, что они играют весомую роль в его художественной системе.

⁴ «Феминизм мне не нравится. Я понимаю его истоки, не являюсь антагонистом в этом вопросе, но он не нравится мне своей агрессивностью. Мне не нравятся любые агрессивные идеологии. Молодые идеологии всегда агрессивны, и феминистки тоже. Когда человек начинает что-то отстаивать, он полемически заостряет это и теряет истинные пропорции качеств, присущих тем или иным явлениям. Человек теряет равновесие, а это не полезно серьёзной литературе». Научное интервью Е.Г. Водолазкина О.С. Коркиной из архива авторов статьи.

⁵ Достаточно привести такие примеры, как романы «Непобедимое солнце» (2020) и «КГБТ+» (2022) В. Пелевина, «Сад» (2020) М. Степновой, сборники «De Feminis» (2022) В. Сорокина, «Золотинка» (2023) Е. Некрасовой и др. Новые героини появляются и у Водолазкина (Барбара в «Брисбене», Настя в «Авиаторе», Ника в «Чагине» и др.).

которого супружеская пара). У многих из этих мужчин есть общие черты, позволяющие читать некоторые фрагменты как «я-высказывания» и таким образом реконструировать определённые параллели ценностных предпочтений автора и его лирического героя.

Хотелось бы обратить внимание на важный момент, связанный с попыткой обобщённого взгляда на творчество Водолазкина сквозь призму антропологии и философии культуры, требующую учёта психологической составляющей поведения героев. Несмотря на то, что понятие «психологизм» неоднозначно [Миколайчик, 2014] и специалисты-литературоведы обычно связывают художественный психологизм с классическим и последующими периодами русской литературы⁶ [Гинзбург, 1977; Лотман, 1998; Компанеец, 1980], многие исследователи солидарны с иной точкой зрения, согласно которой литература русского средневековья обладала «собственными способами» выражения психологического содержания состояний человека [Эльсберг, Робинсон, 1970]. Эти способы варьировались в зависимости от жанра и периода; были «вписаны» в соответствующую социокультурную ситуацию, в которой создавалось то или иное произведение. Д.С. Лихачёв пишет о русской словесности XIV в. «и последующих веков»: «Психологические состояния, отдельные человеческие чувства, страсти рассматривались со столь близкого расстояния, что они заслоняли собой самого человека, казались огромными, преувеличенными...» [Лихачев, 1970: 8]. И главное, по нашему мнению, эти состояния передаются Водолазкинским с помощью развёрнутой аксиологической модели, структура которой сопрягается с концепцией «времени-спирали».

Проверка гипотезы о влиянии профессиональной и научной деятельности Е. Водолазкина на его повествовательную манеру и особенности созданных им образов позволяет соотнести эту идею Лихачёва (напомним ещё раз: многолетнего руководителя Водолазкина по Отделу Древнерусской литературы Пушкинского Дома) с описанной в романе «Лавр» ситуацией, когда герой произведения, Арсений, лишившись любимой женщины и сына, полностью отдаётся своим эмоциям и выпадает из реальной жизни.

Однако творческий метод Водолазкина, безусловно, несводим исключительно к средневековым влияниям. Стремление сочетать черты эстетик разных эпох, в том числе реалистического психологизма и фантастического повествования, отсылает нас к постмодернистской манере письма, содержащей обилие скрытых цитат, в том числе смысловых «цитат», основанных на аналогии процессов, «параллельно» протекающих в различные эпохи. Однако эта манера оказывается «на месте»: в частности, с помощью нетривиально разыгранной «мешанины времён» автору удаётся показать глубинную связь между ним и его лирическим героем. Интересно, что женские образы при этом находятся как бы на периферии его творчества (что не означает, что они для него не важны)⁷.

**«Спираль времени»
как психолого-аксиологическое
измерение творческого процесса:
попытка применения
биографического метода**

Осознавая рискованность применения биографического метода по отношению к творчеству ныне живущего писателя и при этом констатируя его неуклонное

⁶ Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы: кн. для учителя. — Москва: Просвещение, 1988. — 176 с.

⁷ Отвечая на вопросы интервью, данного «женскому» изданию Marie Claire, Водолазкин высказался так: «Вы спрашиваете: планирую ли я написать роман, главной героиней которого будет женщина. Понимаете, Женя, чтобы писать о женщине, нужно её разгадать. Пока у меня это не получилось, буду писать о мужчинах: они проще устроены». См.: Евгений Водолазкин и Женя Любич: знакомство по переписке и разговор по душам // Marie Claire. — 2017. — 7 мар. — URL: <http://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/vodolazkin-i-lyubich-interview-2017>.

приближение к разряду «современных классиков», попробуем всё же аккуратно оперировать фактами, которые Водолазкин сам изложил в интервью разных лет. События, жизненные ситуации и люди, сыгравшие определённую роль в жизни писателя, воздействуют на образ любого автора, на его творчество. Личность писателя, иначе говоря, есть определяющий момент его творчества: автор начинается с детства, именно оно даёт старт становлению автора.

О семье Водолазкина известно немного, — так же, как и в целом о детстве писателя: «Жили мы с бабушкой на первом этаже, двери во двор не закрывались, можно было войти рано утром и разбудить меня. Я до сих пор помню эти пробуждения и сопровождавшее их ощущение счастья»⁸. По словам писателя, всю жизнь его окружают женщины: «Воспитывали меня <...> бабушка и мама. В основном — бабушка. Потом я плавно из бабушкиных рук перетёк в руки моей жены, замечательного, удивительного человека... Естественно, у меня могла родиться только дочь. Мужчине с женщиной легко, потому что они по-разному устроены...»⁹. Связка биографической ситуации с литературным миром отчасти напоминает о значимости категории «женского» в судьбе А.А. Блока, в честь стихотворения которого «Авиатор» назван один из программных романов Водолазкина [Новиков, 2012: 7]. И для Блока, и для Водолазкина женщина в их творчестве связана с возвышенным, даже божественным началом.

Писатель многократно высказывался о влиянии на его творческую судьбу жены, литературоведа Татьяны Руди, — как равного товарища, в чём-то соавтора, что вполне вписывается в «новые» представления о роли женщины: «Она мой первый редак-

тор, видит все ляпы сразу. Даёт литературные советы: “Вот это имя плохое. Могут подумать, что ты имеешь в виду того-то и того-то. Давай поменяем”. <...> Или она говорит: “Тут ты учишь. Кроме раздражения, ничего у читателя не возникнет”»¹⁰. В то же время самим Водолазкиным была предана огласке история, в которой решение о женитьбе будущего писателя «почти что» принял его учитель Д.С. Лихачёв («Как можно спрашивать о таких вещах?» — опешил удивлённый коллега. «Только в лоб», — ответил Лихачёв»¹¹), взявший на себя в каком-то смысле функции средневекового божественного предопределения. По словам Водолазкина, именно от своего учителя он усвоил отношение к семье и к жене как к главной ценности жизни¹².

Таким образом, и эпоха, в которую жил и живёт писатель, и сфера интересов, и биография рассматриваемого автора постоянно сталкивают два типа восприятия женщины: «традиционный» и «новый». В его воспоминаниях о детстве образ женщины связан с семьёй, уютом, рассуждения писателя о женщинах вписывают их в контекст любви, взаимопонимания, не наделяя их функциями самостоятельного социального агента. Это вполне объяснимо, т.к. писатель подходит к теме с глубоко личных позиций, определивших ролью в его судьбе тех женщин, которые предстают в его интервью как носительницы идеи дома, счастья и защищённости.

Классификация женских образов: оценка в бинарной оптике

Обратимся непосредственно к романам Водолазкина. Функции женских образов в них многообразны, и на разных этапах развития сюжета они могут изменяться. Более того: наиболее часто встречающиеся

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Писатель Водолазкин рассказал о роли жены в своём творчестве // Известия. — 2019. — 20 фев. — URL: <https://iz.ru/848083/2019-02-20/pisatel-vodolazkin-rasskazal-o-rol-i-zheny-v-svoem-tvorchestve>.

¹¹ Яковлева Е. На даче я занят только одним — пишу. Как писатель Евгений Водолазкин нашёл на даче скороговорку и включил в роман «Брисбен» // Российская газета. — 2019. — 4 авг. — URL: <https://rg.ru/2019/08/04/evgenij-vodolazkin-na-dache-ia-zaniat-tolko-odnim-pishu.html>

¹² Евгений Водолазкин о том, как всё изменилось. — URL: https://evgenyvodolazkin.ru/154_evgenij-vodolazkin-o-tom-kak-vse-izmenilos/

функции этих образов дублируются своими полными противоположностями: женщины-спутницы и женщины, покидающие героя; женщина как идеальный объект любви и как соблазнительница; женщина как источник чистоты и как пример поругания этой чистоты.

Часто именно за счёт смены этих функций и ролей движется сюжет у Водолазкина. При этом одна и та же героиня может совмещать разные функции (не только взятые из одной контрастной пары).

Итак, представляется возможным выделить наиболее распространённые роли женских образов в романах писателя.

1. Женщины-спутницы героя и женщины, покидающие героев-мужчин, стимулирующие этим развитие сюжета и внутреннее развитие героев.

Им свойственны верность, готовность к жертве, их жизнь представляет собой что-то вроде «служения», но — при сохранении достоинства, что главные герои романов и ценят в своих возлюбленных. Такова, в частности, Устина в «Лавре». Она возвышается до своего истинного предназначения (быть «водительницей» по пути жизни Арсения и держать «правильный курс») только после смерти, когда приобретает черты, сходные с чертами Беатриче у Данте или донны Лауры у Петрарки (она — тоже спутница, но только в метафизическом плане). Такова и Анастасия Воронина, героиня «Авиатора», определившая целый век бытия главного героя этого романа.

Катарина из «Брисбена» при всех обстоятельствах послушна, покорна: она готова исполнять свою роль настолько, что смирилась с мыслью стать матерью не своего ребёнка. Она сравнивается с библейской Рахилью, которая «дала Иакову служанку, чтобы, по обычаю, дети считались её» (Быт.30:4-8). Катарина прощает измену Глеба с Ганной, заявившей о своей от него беременности. Более того, Катарина даже не против, чтобы эта женщина и её ребёнок жили вместе с ними.

Роман «Оправдание Острова» во многом схож с предшествующими романами Е. Водолазкина. Ксения, жена Парфения,

воплощает в себе черты самых разных героинь автора. Так, она, безусловно, может быть сопоставлена с Устиной из «Лавра» по её значению для духовного подвига мужа. Она так же, как и Устина, оказывается для Парфения путеводной звездой, не позволяющей свернуть с предначертанного пути святости. И всё это время Ксения — верная и преданная спутница Парфения, не позволяющая себе даже помыслить раздельное с мужем существование.

Устина в «Лавре» недолго оставалась плотью от плоти героя, она покинула Арсения, не пережив роды, однако определила всю жизнь главного героя: женщина совершенно пассивным образом побудила мужчину к очень активным действиям: обстоятельства сложились так, что «эмоциональная травма» изменила личность Арсения радикально и навсегда, превратив его постепенно в святого Лавра.

В «Авиаторе» Анастасия-старшая не сама покидает Платонова: совершив убийство, он оказывается в заключении и оставляет возлюбленную, казалось бы, навсегда. При этом она, как и Устина, незримо присутствует в его жизни и до, и после заморозки героя — первое, что вспоминает Платонов, возвращаясь к жизни, — возлюбленную, её образ является ему даже раньше, чем имя. Становление Платонова как человека, осознавшего неприемлемость насилия для достижения справедливости, неразрывно связано с Анастасией.

В романе «Чагин» покидают мужчин обе наиболее важные для этого текста героини: Вера и Ника.

2. Женщина как идеальный объект любви, способной восстановить внутреннюю цельность героя-мужчины, сближающая с прошлым, позволяющая достичь чувства сопричастности с Вечностью, — и как источник преодолеваемого соблазна.

Устина в романе «Лавр» — прежде всего часть самого Арсения, воплощение женственности, способной в единении с мужским создать ощущение полноты и подлинности бытия: «Арсений не просто думал об Устине. Мало-помалу он погрузился в особый завершённый мир, из него

и Устины состоявший. В этом мире он был отцом Устины и её сыном. Был другом, братом, но главное — мужем. Все эти обязанности сиротство Устины оставляло свободными. И он в них вступил»¹³.

Любовь Арсения к Устине не слабеет со временем, а сразу набрав максимальную высоту и силу, на ней и пребывает. Здесь можно говорить и о чувстве долга, и о недовольстве собой, об искуплении и чувстве вины — всё зависит от ракурса исследователя.

Платонов находит свою «Анастасию» во всех — в «готической женщине», которая пришла к нему ночью после изнасилования, в Насте, в медсестре Варваре, нашёл бы и в дочери Анне (неслучайно он ждёт именно дочь, а не сына). Анастасия становится не только символом любви, но и символом жизни: «Её присутствие на земле — свидетельство тому, что прежняя моя жизнь мне не приснилась»¹⁴, — говорит Платонов, узнав, что Анастасия после его разморозки всё ещё жива.

Первые воспоминания героя связаны с любимой женщиной, конечно же, не случайно. Любовь в жизни главного героя занимает большое место. У Водолазкина она побеждает время, исторические события, она так велика, что не умещается в одном человеке. И её имя — Анастасия. Анастасия жила до Платонова и будет жить после него в виде своей внучки Насти, в виде её дочери Анны, возможно, и дальше в виде внучки и правнучки Платонова.

Однако не всегда женщины в романах Водолазкина ведут героев-мужчин к святости и чистоте, есть в его системе образов и искусительницы. Обращает внимание выбор Е. Водолазкиным в качестве эпиграфа к «Авиатору» четверостишия из стихотворения А. Блока (к нему, как уже было сказано, восходит и название романа), где женское начало упоминается в негативном ключе:

*Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продажной
Поднять к тебе фиалки глаз?*

В определённом смысле искусительницей становятся и Анастасия в «Авиаторе», «заказавшая» Зарецкого, и Ганна в «Брисбене», и Зоя в «Соловьеве и Ларионове». Все они провоцируют мужчину, определяя его ценность в его собственных глазах.

Следует отметить, что, хотя и в разной степени, в каждой из женщин-искусительниц в прозе Водолазкина есть и возвышенное начало. Такова, например, Ксения в «Лавре»: герой почти влюбляется в неё, но отказывается остаться с ней ради верности умершей возлюбленной. Эта женщина не пытается хитростью привлечь Арсения, она предлагает ему жить с ней и её сыном, чтобы заботиться друг о друге и с достоинством принимает отказ, проявляя уважение к чувствам героя.

Так же, как Ксения, искушением для Арсения становится женщина, встреченная в корчме. Небезынтересно отметить близость описанного фрагмента к сценам искушения, ведущим свой отсчёт ещё от Ветхого Завета. Речь идёт об известном библейском сюжете о жене Потифара (Быт. 39:1-20). В романе Водолазкина сцена получает иное разрешение: сознание своей неправоты и стыд перед Лавром заставили жену корчмаря вернуть монету. Таким образом герой в этом эпизоде не только преодолевает искушение, но и влияет на личность женщины (обратная закономерность: уже не женщина определяет путь героя, а в какой-то мере он — её).

3. Женщина как образ красоты и чистоты — и нарушенной чистоты, увядшей красоты, воплощающая мотив физического страдания.

Анастасия в «Авиаторе» — чистая, невинная девушка, к которой герой испыты-

¹³ Водолазкин Е.Г. Лавр. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — С. 76.

¹⁴ Водолазкин Е.Г. Авиатор. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — С. 184.

вает чувства хоть и не единственно платонические, но трепетные и возвышенные: «Мне казалось, что целомудрие наших отношений не должно подвергаться никаким испытаниям, даже таким пустяковым, как “ты”»¹⁵. Чистота женщин — то, что одухотворяет героев Водолазкина, не позволяет им привыкнуть к мерзости окружающего мира, к собственной греховности. Непорочна также Ксения в «Оправдании острова».

Для женских образов в романах Водолазкина характерна сопряжённость с образами искушения, боли, небытия, а также — с чувством вины героя за невозможность спасти чистоту и красоту от поругания, а саму женщину — от смерти.

Чистота женщины в романах Водолазкина часто подвергается поруганию, что подчёркивается изображением физиологических подробностей, например, в описании смерти Устины («Лавр»), упоминании о полоске кала на бедре пожилой умирающей Анастасии («Авиатор»). Выше мы говорили о биологической (связанной с продолжением рода) ориентированности женщины в «традиционном» понимании, однако эта биологичность целомудренно «снимается»: грубая физиология служит скорее средством противопоставления внутреннего и внешнего в образе героини.

Отдельного внимания заслуживает отношение главного героя «Авиатора» к тем женщинам, о которых он вспомнил, реконструируя свои воспоминания о Соловках. Именно с этими женщинами главный герой связывает события, которые его «выжигали изнутри», не помещались в слова: «Для того, чтобы словам вернулась сила, нужно описать неопишемое. Тонкие лица смолянок под слюнявыми губами гэпзушников. Под их немытыми руками. От этих ублюдков несло потом и перегаром, они вызывали самых красивых женщин для “мытья полов”, и те не могли их послушаться»¹⁶. И здесь противопоставление высокого (женской красоты) и низменного (грубой силы лагерных охранников) помогает

создать обобщённый образ женщины как символа страдающей от политических репрессий России.

4. Деторождение и отсутствие возможности иметь детей.

Важные мотивы для героинь Водолазкина — это мотивы, связанные с деторождением. Тема беременности (или «не-беременности») и рождения ребёнка применительно к женским образам, можно сказать, превалирует. Так, в «Лавре» Устина скончалась в родах и в каком-то смысле вернулась к Арсению в образе роженицы Анастасии, в «Авиаторе» Настя в конце романа ждёт ребёнка.

Как видим, женские характеры по своим типам и ролям в романах Водолазкина значительно отличаются от мужских, что заставляет идентифицировать его оптику как двойственную не только в смысле признания онтологической бинарности «мужского» и «женского», но также выделить амбивалентность возможного пути развития каждого из женских типов в зависимости от тех ценностей, которые «несёт» героиня, воспринятая через мужской взгляд лирического героя, что, с одной стороны, добавляет объёмности художественному тексту, а с другой — создаёт интригу, если воспринимать этот текст с позиций интереса к художественному познанию действительности.

Оценки женских образов прозы Водолазкина: вторичность (бессубъектность) или одномерность (слабая субъектность)?

В результате проделанного выше аксиологического разбора может сложиться мнение, что женские образы в романах Водолазкина в полном смысле вторичны, то есть по сути объективированы и бессубъектны. Подобный взгляд и в самом деле высказывается в ряде исследовательских работ; причём в качестве доказательства

¹⁵ Там же, с. 96.

¹⁶ Там же, с. 251.

обычно приводится ссылка на то, что образ Устины в «Лавре» передаётся читателю исключительно как результат перцепции главного героя и обусловлен его отношением к героине: «Следовательно, её нельзя рассматривать вне образа Арсения. В событийном плане Устине отведена роль объекта чувств и действий, а впоследствии — лишь адресата высказываний главного героя» [Скотница, 2019: 192]. С польской исследовательницей соглашается коллега из России: «Образ Устины конструируется Водолазкинским опосредованно: при помощи авторской речи или речи Арсения — возлюбленного героини. И здесь уходит эмоциональность, экспрессивность, так свойственная Насте в «Авиаторе», но появляется подчёркнутая фемининная физиологичность» [Копоть, 2019: 45].

На наш взгляд с тезисом о вторичности женских образов Водолазкина (если под вторичностью понимать именно объективацию и бессубъектность) трудно согласиться. Во-первых, образы его героинь раскрываются по-разному, далеко не всегда читатель воспринимает их посредством восприятия героя-мужчины. Так, героини «Оправдания острова» (Ксения) и «Авиатора» (Настя) значительно более «субъектны»: если возлюбленную Арсения мы видим только глазами автора и его центрального персонажа, то Ксения и Настя являют себя через текст, значительная часть повествования даётся от их лица. Правда и тут Л.В. Копоть отмечает, что автор наделяет её стереотипно гендерным речевым поведением: «Показательно, что автор романа «Авиатор» <...> рассматривает через призму дневника Насти семейные отношения, оказывающиеся самыми главными в системе ценностей женщин, а также взаимодействие с противоположным полом» [Копоть, 2018: 380].

Наше возражение в данном случае опирается на анализ стилистических приёмов Водолазкина: так, в «Оправдании Остро-

ва» стиль повествования практически не меняется при смене повествователя, Парфений и Ксения рассказывают об истории Острова в одинаковой тональности. Так же происходит и в «Авиаторе», когда Платонов, Анастасия и Гейгер, повествуя о происходящих событиях, становятся неразличимыми, их голоса словно сливаются в один голос.

Можно ли, отказываясь от идеи «вторичности женских образов», говорить о том, что Водолазкин важно раскрыть личность героини во всём многообразии её проявлений, вне контекста отношений с «её» мужчиной? Представляется, что нет. Даже Ксения, чей характер иллюстрирует «измерение святости», имеет *слабую субъектность*, она — *одномерна*: «Я подумала: муж называет меня радость моя. Уже целую вечность мы составляем радость друг друга. Мы — свободный выбор друг друга, хотя обвенчали нас, не спрашивая согласия»¹⁷. С некоторыми оговорками привлечём интервью писателя на эту тему: «Особенно хорошо и, наверное, правильно устроены русские женщины»¹⁸. По его мнению, «западные женщины», в частности, немки, которых он знает по работе на Западе, «всё время думают о том, чтобы, не дай Бог, не потерять равенства с мужчинами. Наша женщина об этом не думает. Если она любит, то любит. Она может быть кошкой в мужских руках, а может быть тигрицей. Всё зависит от тебя, от твоего желания, и в каком-то смысле — от твоих возможностей справляться с её темпераментом. А западные люди немного по-другому устроены. Например, меня в своё время жутко потрясло, что пары составляют брачный контракт, развод изначально заложен в систему. У нашей женщины хватает мудрости не вестись на эту чепуху»¹⁹. Согласно этому высказыванию, экономическая субъектность не входит в список тех ценных качеств женского характера, которые он признаёт таковыми.

¹⁷ Водолазкин Е.Г. Оправдание Острова. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — С. 63.

¹⁸ Безусловно, они не равны художественному высказыванию, представляют собой некоторую рационализацию, но для наших целей релевантны. См.: Евгений Водолазкин и Жена Любич.

¹⁹ Там же.

Тем самым видится более обоснованным тезис *не о вторичности, а именно об одномерности* женских персонажей Водолазкина: они либо плоть от плоти мужчины, отражение его желаний, убеждений и поступков, либо же — пародия на женскую сущность. Второй вариант слабой субъектности негативного плана выражает одна из героинь «Брисбена» — Барбара: «Высокая рыжая немка с громким голосом. У неё всё чрезмерно: голос, смех, движения. Она к тому же любит выпить»²⁰. Барбара вполне вписывается в концепцию «новой» активной женщины, но своим существованием претит главному герою, Глебу: он уходит в другую комнату, прямым текстом заявляя, что сестра жены его раздражает. Она — женщина, которой не суждено исполнить природного предназначения, то есть родить ребёнка (и даже выйти замуж): «Катина сестра Барбара не приводила к ним мужа (которого в настоящем смысле у неё так и не образовалось)»²¹. Таким образом, к ней неприменим биологически-ориентированный «традиционный» подход. Как следствие, она не рассматривается как носительница женской эмоциональности, интуиции и чуткости.

Примечательно: такие героини, как Барбара, в прозе Водолазкина становятся предвестницами трагического. Например, именно Барбара без оговорок заявляет Глебу, что у него может быть болезнь Паркинсона. Автор и его герой не дают Барбаре проявить чувствительность, нежность; у неё не так много личных достоинств. Герой больше фокусируется на её негативных чертах, навязчиво подчёркивает неприятные ему детали, о которых читатель уже знает: «Умная, немного пьющая, с прокуренным голосом. С ней можно говорить о чём угодно, в том числе о музыке»²². Интересно, что Катарина, как и Барбара, бездетна; однако в глазах автора и героя она не становится из-за этого менее женственной, привлекательной и праведно чистой: послушание и покорность приближа-

ют её к «идеальным» женским характерам Водолазкина.

Явно активными, «новыми», характерами обладают и юные героини Водолазкина, которые даже поколенчески выделяются в отдельный тип его женских образов: Настя («Авиатор») и Ника («Чагин»). Настя, несмотря на молодость, социально и даже сексуально опытна. Именно она договаривается с фирмой, производящей замороженные овощи, о съёмке рекламного ролика, который принесёт «замороженному» когда-то Платонову большие деньги. Она побуждает возлюбленного ходить на корпоративы, то есть выступает как организующее начало. Тем самым ей передается традиционно мужская роль — обеспечение материального благосостояния семьи. Как и Барбара, она отчасти пародийна в своей чрезмерной практичности и в отсутствии чуткости.

Та же инициативность присуща Нике («Чагин»): она своевольно (и довольно экстравагантно: пробираясь по крыше через окно) появляется в жилище героя-рассказчика Павла, своевольно его покидает; и она сама будет решать, вернётся ли сюда. Покорность вовсе не её качество, напротив, эпизод ссоры с сестрой возлюбленного, как и исчезновение Ники после этого эпизода, показывают, что «гордость» (представление о чувстве собственного достоинства) для неё важнее союза с мужчиной. Этот женский образ хотя и не пародиен, но явно и не «идеален» для автора.

В то же время сам Е. Водолазкин считает, что он не склонен к тому, что в «повестке» принято соотносить с гендерной проблематикой, просто на первом месте для него стоит человек как таковой: «Достаточно сказать, что в число моих любимых авторов входят Ахматова, Цветаева или, допустим, Мюриэл Спарк, но я никогда не рассматривал их в гендерном контексте. Разумеется, они говорят женскими голосами, но это прекрасно: равенство — это не тождество. Я понимаю исторические

²⁰ Водолазкин Е. Брисбен. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — С. 55.

²¹ Там же, с. 346.

²² Там же, с. 385.

причины возникновения феминизма, но всякая целенаправленная защита той или иной группы (социальной, национальной, возрастной и так далее) мне не близка»²³. В научном интервью одному из авторов этой статьи, О.С. Коркиной писатель заявил: «...моя позиция: мужчина и женщина абсолютно равны, но не в социальном, а в духовном и бытийном измерении». Вероятно, именно гипертрофированное социальное измерение резко выделяет его героинь «нового» типа, а *одномерность* его вполне (хотя и слабо) субъектных героинь уравнивается многообразием их типов.

«Время-спираль» и образ женщины

Исследуя феномен «циклического» времени, заимствованный им из литературы Средневековья [Жулькова, 2018: 195], Водолазкин стремится подчеркнуть, что христианские ценности вечны, не зависят от времени и места действия, постоянно возрождаются. Особенно наглядно с нашей точки зрения подобная цикличность времени представлена в романе «Лавр»: Анастасия²⁴, родившая ребёнка, которого в свой смертный час держал на руках старец, изображается как символ искупления греха. Когда приходит время её родов, Лавр произносит: «Я здесь, любовь моя... И мы вместе»²⁵, имея в виду, конечно, погибшую задолго до этого по его вине Устину. Ребёнок, рождённый Анастасией, становится последним искуплением греха Арсения, и время наконец приобретает завершённость, как и жизнь старца.

Сходную роль исполняет и Анастасия — возлюбленная героя «Авиатора», с которой он встречается в день её смерти, но главным образом — её внучка Настя, выступающая в роли её «заместительницы».

Яркий образ подобной героини появляется и в романе «Чагин»: в нём Вера символизирует возвращение, круг.

В то же время Настя из романа «Авиатор», безусловно, не повторяет важнейших черт Анастасии, эти образы в значительной мере были созданы как противоположности. Настю чрезмерно увлекают «земные» ценности: ей приятно, что её друг знаменитость, что у него берут интервью, приглашают сниматься в рекламе и т.д. Более того. Роженица Анастасия в «Лавре» понесла в чреве плод вовсе не вследствие идеальной и всепоглощающей любви, как Устина. Анастасию растлил женатый человек, мельник Тихон, предложивший ей муку в голодное время.

Раз за разом в текстах Водолазкина мы наблюдаем повторение сюжетных ходов, которое не является буквальным. Так, в романе «Лавр» сюжетная линия Ксении и Арсения связана с победой над плотью во имя высшей вечной любви и спасения души умершей возлюбленной. Очевидной параллелью к ней представляется линия аспиранта Юрия Строева и русской немки Александры Мюллер. И тот, и другой герой находятся на пороге любви к молодой женщине с ребёнком. Их связь автором не объясняется прямо, но всё же даётся намёком. Александра Мюллер, стоя на краю раскопа, думает об Арсении, жившем когда-то здесь же, во Пскове: «А был ли, вообще говоря, юродивый? А была ли, спрашивается, его любовь? И если была, то во что же она превратилась за сотни ушедших лет? И кто тогда её чувствует, если любившие давно истлели?»²⁶ Однако если сюжет Арсения о преодолении душевной и телесной тяги к женщине — отражение одного из соблазнов, важный этап его пути к святости, то сюжетная линия Строева скорее может быть расценена как история о попытке до-

²³ Басинский П. Евгений Водолазкин: «Уроки истории лежат в области нравственности» // Российская газета. — 2021. — 15 мар. — URL: <https://rg.ru/2021/03/08/evgenij-vodolazkin-uroki-lezhat-v-oblasti-nravstvennosti.html>

²⁴ Напомним: в переводе с греческого Анастасия — возрождённая, воскресшая.

²⁵ Водолазкин Е.Г. Лавр. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — С. 434.

²⁶ Там же, с. 236.

вольно нерешительного и слабохарактерного персонажа определиться со своими чувствами.

Сходным контрастом наделены образы Веры и Ники в романе «Чагин». Одна из них, старшая, вернулась к любимшему её герою. Для второй исход сюжета неизвестен, финал открыт.

Напрашивается неутешительный вывод о некоторой неромантической и измельчавшей современности, об отсутствии подвига (в первую очередь, духовного) в более современных сюжетных линиях писателя.

Тем самым «время-спираль», являющееся, в том числе, проводником непреходящих христианских ценностей, даёт его героям (и, вероятно, читателям) шанс на искупление, исправление ошибок, приобщение к высокому. Однако, поскольку каждый следующий виток спирали далеко не полностью повторяет предыдущий, результат поступка не гарантирует спасения, что и проявляется в бинарности оценок и амбивалентности характеров. Старец Иннокентий в романе «Лавр» объясняет Амвросию: «Есть сходные события <...> но из этого сходства рождается **противоположность** [выделено нами, — О.К., М.С.]. Ветхий Завет открывает Адам, а Новый Завет открывает Христос. Сладость яблока, съеденного Адамом, оборачивается горечью уксуса, испитого Христом»²⁷. Его объяснение подкрепляется наглядной иллюстрацией: старец обходит по кругу монастырь, но на следующем витке своего пути он «уже немного другой», Иннокентий «оторвался от земли и медленно проплыл мимо Амвросия <...> Хотя и не очень высоко, конечно»²⁸. Чисто геометрически путь старца демонстрирует читателю форму спирали.

Однако гармонизирующий посыл автора о бессмертии «традиционных» ценностей сопровождается мыслью о частичной потере этих ценностей. Время, рассмотренное слишком близко, из спирали превращается в линию, отсылая читателя к философским идеям позднесредневековой/ранневозрожденческой Европы²⁹. На это обращает внимание польский исследователь Витольд Пацино, который объясняет нарушение гармонии в прозе Водолазкина «постсоветской травмой», которая видна в оценках современных пластов его сюжетов, где на первый план выступает не трансляция, а поругание христианских и человеческих ценностей [Пацино, 2019].

Заключение

Структурная модель ценностного изменения «времени-спирали», рассмотренная на примере созданных Е. Водолазкиным женских образов, позволила установить нетривиальное прочтение писателем линейности как момента кривизны (при близком рассмотрении участок кривой линии кажется отрезком прямой). Парадоксы, связанные с амбивалентностью оценки образа женщины сквозь призму её аксиолого-психологических «ролей», опираются на личную оптику его героев-мужчин. В этом смысле созданные им женские образы одномерны, хотя и не лишены субъектности. В свою очередь, судьбы героев его прозы позволяют проследить столкновение «традиционных» и «новых» женских типов как мотива, воспроизводящего аксиологическую амбивалентность на новом историческом витке, в новых социокультурных условиях.

²⁷ Там же, с. 376–377.

²⁸ Там же. С. 376.

²⁹ См.: Кузанский Н. Об учёном незнании / Кузанский Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. — Москва: Мысль, 1979. — С. 67–68.

Список литературы:

- Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. — Ленинград: Художественная литература, 1977. — 448 с.
- Жулькова К.А. Категория времени в романах Е.Г. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор». (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение. — 2018. — № 3. — С. 191–199.
- Компанеев В.В. Художественный психологизм в советской литературе (1920-е годы). — Ленинград: Наука, 1980. — 111 с.
- Копоть Л.В. Гендерная реперзентация женских образов в романах Е. Водолазкина // ФИЛОЛОГОС. — 2019. — № 4. — С. 42–46. <https://doi.org/10.24888/2079-2638-2019-43-4-42-46>
- Копоть Л.В. Гендерное конструирование женского образа в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации – 6. — Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2018. — С. 378–382.
- Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. — Москва: Наука, 1970. — 180 с.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. — Санкт-Петербург: Искусство, 1998. — 285 с.
- Миколайчик М.В. Художественный психологизм и его место в системе литературоведческих терминов и понятий // Вопросы русской литературы. — 2014. — № 29. — С. 134–143.
- Новиков В.И. Александр Блок. — Москва: Молодая гвардия, 2012. — 362 с.
- Пацано В. Травма сквозь призму Средневековья: современный русский медиевализм как способ описания постсоветской травмы // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин. — Краков: Ягеллонский университет, 2019. — С. 253–262.
- Русские святые / сост. В.А. Васильев. — Москва: Фирма СТД, 2011. — 799 с.
- Скотницка А. Общение влюбленных в Лавре Евгения Водолазкина // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин. — Краков: Ягеллонский университет, 2019. — С. 191–202.
- Эльсберг Я., Робинсон А. Проблема характера в древнерусской литературе // Вопросы литературы. — 1959. — № 9. — С. 225–229.

References:

- Elsberg, Y. and Robinson, A. (1959) 'Problema kharaktera v drevnerusskoy literature [The problem of character in ancient Russian literature]', *Voprosy literatury*, (9), pp. 225–229. (In Russian).
- Ginzburg, L. Y. (1977) *O psikhologicheskoy proze* [About psychological prose]. Leningrad: Khudozhestvennaia lit-ra Publ. (In Russian).
- Kompaneets, V. V. (1980) *Khudozhestvennyĭ psikhologizm v sovetskoy literature (1920-ye gody)* [Artistic psychologism in Soviet literature (1920s)]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
- Kopot, L. V. (2018) 'Gender Construction of a Female Image in the Novel by E. Vodolazkin Aviator.', in *Kross-kul'turnoye prostranstvo literaturnoy i massovoy kommunikatsii – 6* [Cross-cultural space of literary and mass communication - 6]. Maykop: Adygeyskiy gosudarstvennyy universitet Publ., pp. 378–382. (In Russian).
- Kopot, L. V. (2019) 'Gender Representation of Female Characters in the Novels of E. Vodolazkin', *Filologos*, (4), pp. 42–46. (In Russian). <https://doi.org/10.24888/2079-2638-2019-43-4-42-46>
- Likhachev, D. S. (1970) *Chelovek v literature Drevney Rusi* [Man in the literature of Ancient Russia]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Lotman, Y. M. (1998) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. Saint Petersburg: Iskusstvo Publ. (In Russian).
- Mikolaichik, M. V. (2014) 'Khudozhestvennyy psikhologizm i yego mesto v sisteme literaturovedcheskikh terminov i ponyatij [Artistic psychologism and its place in the system of literary terms and concepts]', *Voprosy russkoy literatury*, (29), pp. 134–143. (In Russian).
- Novikov, V. I. (2012) *Aleksandr Blok*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian).

Пасыно, W. (2019) 'Trauma through the Prism of the Middle Ages. Contemporary Russian Medievalism As A Way Of Description Of The Post-Soviet Trauma.', in *Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej: Jewgienij Wodolazkin*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, pp. 253–262. (In Russian).

Skotnicka, A. (2019) 'Lovers' relations in Eugene Vodolazkin's novel *Laurus*', in *Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej: Jewgienij Wodolazkin*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, pp. 191–202. (In Russian).

Vasiliev, V. A. (ed.) (2011) *Ruskiye svyatyye* [Russian saints]. Moscow: Firma STD Publ. (In Russian).

Zhulkova, K. A. (2018) 'Kategoriya vremeni v romanakh Ye.G. Vodolazkina «Lavr» i «Aviator». (Obzor) [The category of time in the novels of E.G. Vodolazkin "Laurel" and "Aviator". (Review)]', *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otečestvennâ i zarubežnâ literatura. Seriâ 7, Literaturovedenie*, (3), pp. 191–199. (In Russian).

Информация об авторах

Ольга Сергеевна Коркина — студентка МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Мария Сергеевна Савельева — кандидат филологических наук, доцент кафедры Мировой литературы и культуры МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Olga S. Korkina — student at MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Maria S. Savelyeva — PhD in Philology, Associate Professor at the Department of the World Literature and Culture, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 26.09.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.